

Замечание автора относительно того, что рисунки колесниц сохранялись на камнях рядом с изображениями жилищ и являются картинами, «срисованными» с реальной действительности, например древний экипаж рядом с домом, свидетельствуют в пользу наличия реалистической тенденции в развитии художественного творчества тувинцев. Точки в оградках — жилищах, по мнению М. А. Дэвлет, — изображения животных, принадлежавших хозяину сооружения. Лунки или чашечные углубления, количество которых среди рисунков Мугур-Саргола превышает 3 тыс., как считает автор, связаны с астральной символикой. Точки могут быть трактованы и как изображения небесных светил. Такими светилами являются общепризнанные в качестве достойных поклонения в среде народов Центральной Азии и Сибири, созвездия Ориона, Большой Медведицы и Полярная звезда. Ежегодные моления небу были распространенным элементом религиозной жизни тувинцев в прошлом.

Горизонтальное деление плоскости с рисунками на два или три яруса, которое М. А. Дэвлет наблюдала при исследовании петроглифов Мугур-Саргола, является одним из универсальных приемов организации пространства плоскости рисунков во многих других памятниках наскального искусства Сибири; свойствен он и алтайским петроглифам. М. А. Дэвлет стала первым исследователем, который попытался объяснить появление этого художественного приема с помощью древней мифологии. Известно, что для шаманизма типичны космогонические представления о делении Вселенной на три мира: верхний, средний и нижний. Доказательство правильности своих рассуждений автор видит в факте наличия среди петроглифов нижнего яруса масок-личин, внутренний контур которых был сплошь забит точками, что, по мнению исследовательницы, могло передавать черную окраску лица. Известно, что устная традиция алтайцев рисует властителя преисподней, грозного Эрлика, в виде гиганта с черным лицом.

Выводы, сделанные автором в главе, посвященной семантике и хронологии памятника, важны для изучения наскальных рисунков соседних регионов, в частности петроглифов Алтая. Несомненный интерес представляет оригинальная трактовка колпакообразных головных уборов масок-личин Мугур-Саргола, посохов, грибовидных головных уборов, охотничьих сумок «каптырга», которая дает ключи к интерпретации аналогичных мотивов в наскальном искусстве Сибири и того же Алтая.

Проблема маски-личины как самостоятельного сюжета наскального искусства вообще, а не только петроглифов исследуемого памятника, волнует автора книги в аспекте генезиса самого мотива. М. А. Дэвлет, придерживаясь традиций историзма, намечает генетический путь развития от маски-личины в наскальном искусстве племен бронзового века к шаманским маскам, сохранившимся до недавнего времени. Автор подтверждает уже высказанные С. В. Ивановым, П. И. Каралькиным, С. И. Вайнштейном гипотезы о путях и возможностях такого генезиса.

М. А. Дэвлет склонна видеть в петроглифах масок-личин Мугур-Саргола прототипы масок докшитов — участников ритуальных мистерий Цам.

На вопрос о характере прототипа масок-личин петроглифов Мугур-Саргола ответа в книге нет. А ведь на скалах изображены маски, видимо, реально находившиеся в употреблении. Но как выглядели источники вдохновения древних мастеров, какие идеи и представления стимулировали их появление? Об этом автор пока молчит.

Итак, в заключение хотелось бы сказать, что историческая, археологическая и искусствоведческая литература с появлением книги М. А. Дэвлет пополнилась оригинальным и полезным изданием.

Настоящая публикация, в полном объеме представляющая материалы великолепного памятника наскального искусства, — важное событие в нашей культурной жизни, новый шаг в науке. Опубликованный материал продемонстрировал оригинальность и многоплановость художественной жизни древнего населения Саянского каньона Енисея, что сделало книгу ценной для широкого круга специалистов в различных областях науки о человеке. Известно, что именно новый материал не только подтверждает и расширяет наши представления о предмете исследования, но, главное, ставит новые проблемы. Смелый новаторский подход автора к решению многих спорных и пока неясных вопросов интерпретации петроглифов дает творческий импульс мысли не только последователям М. А. Дэвлет в области изучения петроглифов Мугур-Саргола, но и наскального искусства вообще.

Е. А. Окладникова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Andrew B. Gonzales, FSC. Language and Nationalism. The Philippine Experience thus Far. Quezon City, Metro Manila; Ateneo de Manila University Press, 1980, XI, 179 p. Refs. p. 159—169.

Эндрю Б. Гонсалес, президент Университета Де Ла Саль в Маниле, — известный языковед и специалист в области этнической психологии, редактор «Филиппинского журнала языкознания», автор многочисленных работ по социолингвистике. В своей новой книге «Язык и национализм», весьма актуальной и своевременной в условиях Республики Филиппины, Эндрю Б. Гонсалес подводит итог почти столетним усилиям своих соотечественников в решении языкового и национального вопроса. Он критически

анализирует как имеющиеся социалингвистические исследования, отечественные и зарубежные, так и законодательные акты, касающиеся использования и распространения общенационального языка на Филиппинском архипелаге. Значительную роль среди его источников играют неопубликованные еще материалы — стенограммы выступлений и докладов, варианты законопроектов, письма, мемуары, личные воспоминания государственных деятелей, писателей, ученых (это особо оговаривается в подстрочных примечаниях). В основу монографии положены лекции, прочитанные автором в Университете Васада в Токио в ноябре 1977 г.

Во вступительном разделе книги отмечается, что обретение политической независимости само по себе не приводит к независимости в области экономики и культуры, в чем филиппинцы убедились вскоре после провозглашения 4 июля 1946 г. суверенной Республики Филиппины. В процессе этнического развития нации поиски «лингвистического символа [национального] единства», каковым здесь считается общенациональный язык, на Филиппинах были поставлены на законодательную основу с принятием Конституции Автономных Филиппин в 1935 г. Однако фактически языковой вопрос в этой полиэтнической и многоязычной стране возник, как показано в книге, одновременно с зарождением и развитием национального самосознания, ростом национализма и усилением антиколониального движения в последней четверти XIX столетия. Поэтому весьма важной представляется задача проследить историческую эволюцию языковой ситуации и особенно языковой политики на Филиппинах, наметить новые этапы решения языкового вопроса до настоящего времени. Этой проблематике посвящены четыре главы рецензируемой книги, последовательно охватывающие различные хронологические периоды минувшего столетия.

В первой главе «Первая республика: национализм без лингвистического символа. — с. 1—23 рассматриваются движение пропагандистов в 60—90-х гг. XIX в., подготовка и ход Филиппинской революции 1896—1898 гг. Соответствующие документы и литература, которые анализируются в главе, свидетельствуют о том, что языковой вопрос в этот период еще не получил четкой интерпретации на первом этапе развития национализма. Языковая ситуация того времени была тесно связана с социальной стратификацией филиппинского общества: лица, происходившие из филиппинский и метисной помещичье-торговой элиты и получившие высшее образование на родине или в метрополии (т. н. *илиустрадо* — «образованные, просвещенные»), участники пропагандистского движения во главе со своим духовным руководителем Хосе Рисалем, пользовались в основном языком колонизаторов — испанским. Члены же первой филиппинской революционной организации Катипулан, возглавлявшейся «великим плебеем» Андресом Бонифасио, по преимуществу разночинцы из тагалоязычных провинций, пользовались тагалским, хотя большинство пропагандистов тоже были этническими тагалами из Манилы. По переписи 1870 в., из 4,6 млн. жителей Филиппинского архипелага только 114 тыс., или 2,4% могли говорить по-испански. Эти цифры отразили колониальную политику в области просвещения. Отношение к языку проявилось, как верно подчеркивает Э. Гонсалес, и в результате двух основных этапов Филиппинской революции. Биакнабатская конституция, принятая 1 ноября 1897 г. и завершившая первый, «разночинский» этап революции, сделала официальным языком тагалский, а Малолесская конституция первой Филиппинской республики, возглавленной «образованной элитой», принятая в январе 1899 г., признала официальным испанский язык (с. 1, 20—21). Частично этому способствовало и то обстоятельство, что на втором ее этапе к революции стали примыкать и представители нетагалоязычных провинций — пампанганцы, илоканцы, бикольцы и особенно бисайцы, что существенно изменило этнический состав революционеров (с. 17), хотя нередко по-прежнему языком выступлений ее руководителей был тагалский, и документы также разрабатывались на этом языке. Таким образом, Гонсалес впервые в филиппинской науке применяет классовый подход к решению национально-языковой проблемы в стране в различные исторические периоды.

Поражение Испании и захват островов американскими империалистами осложнили языковую ситуацию. Усиленная культурная американизация и распространение английского языка и американской системы образования вызвали естественный протест на Филиппинах, вылившийся в движение за возрождение национальной культуры и литературы, школьное обучение на родном языке и развитие общенационального филиппинского языка в процессе борьбы с новой колонизацией за обретение политической независимости, которая привела в 1934 г. к провозглашению Автономных Филиппин (глава вторая — «Автономия в поисках лингвистического символа единения» — с. 24—59). Согласно переписи 1939 г., уже 26,6% 16-миллионного филиппинского населения могли говорить по-английски, сфера же действия испанского языка значительно сократилась. В монографии показано, что типичным в это время становится трехязычие: родной язык — испанский — английский или родной язык — тагалский — английский. Однако на официальном уровне английский и испанский языки продолжали делить «гегемонию в гражданской службе» (с. 28). Несмотря на значительные трудности, пробивают себе дорогу издания на местных языках, в особенности на тагалском, а также дву- и многоязычные публикации. В частности, на тагалском с начала века создавалась «литература протеста» (сарсуэлы, романы, пьесы). Филиппинские языковеды в большинстве своем выступали за использование тагалского в качестве общенационального языка ввиду его более широкого распространения и определенной «тагализации» бисайских, илоканского, бикольского, пампанганского и некоторых других региональных языков (с. 36—44). Этого же мнения придерживался и ряд зарубежных лингвистов-филиппинистов (например, американец Фр. Р. Блэйк). Нелингвистическая «шумиха» по поводу «лингвистического символа» началась во время заседаний Конституционного съезда в 1934—1935 гг. В окончательном виде законодательное оформление языкового вопроса

находя отражение в Конституции Автономных Филиппин 1935 г.: «Национальная ассамблея предпримет шаги, направленные на развитие и усвоение общенационального языка, основанного на одном из существующих языков. До утверждения его в законодательном порядке официальными языками продолжают оставаться английский и испанский» (ст. XIII, § 3). Таким образом, считает автор, была закреплена роль официальных языков «американского периода» (1899—1934 гг.).

В соответствии с принятым Национальной ассамблеей законом № 184 («Закон о национальном языке») в ноябре 1936 г. был учрежден Институт национального языка, по рекомендации которого в декабре 1937 г. президент М. Л. Кэсон провозгласил «основанный на тагальском язык национальным языком Филиппин», получивший в августе 1959 г. в связи с ростом национальной консолидации наименование «филиппинский» (пилипино). В 1940 г. была издана написанная на тагальском языке «Грамматика национального языка» Лопе К. Сантоса, известного писателя и филолога, неоднократно переиздававшаяся.

В рассматриваемой главе Эндрю Б. Гонсалес указывает на истоки имеющего место ненаучного подхода к решению языкового вопроса в условиях современных Филиппин, в том числе и на законодательном уровне.

В третьей главе «Вторая республика: обретение символа единства» — с. 60—96 подробно характеризуется языковая политика японских оккупационных властей и марионеточной Филиппинской республики, существовавшей с октября 1943 по август 1945 г. во время второй мировой войны. В осуществление идей «нового национализма» тагальский язык был объявлен национальным языком, что закреплялось Конституцией 1943 г., и распространялся гораздо активнее, нежели в автономный период, хотя в целом сохранилось направление языковой политики, намеченное Конституцией 1935 г. и «Законом о национальном языке» (здесь особо подчеркивается роль его автора, общественного деятеля и филолога Норберто Ромуальдеса — с. 61 и др.). Следует заметить, что японские власти поощряли использование тагальского языка в качестве общенационального не бескорыстно; такая политика вытекала из идеологии так называемой «Великой Восточно-азиатской сферы сопроцветания» (Дайто Кэйкэн), на основе которой одно иностранное засилье в области языка и культуры (японский язык был объявлен основным иностранным в Филиппинской республике) сменялось другим, азиатским, более тонким и расчетливым¹. И пропаганда тагальского языка велась одновременно с пропагандой японского языка. Автор указывает, что в этот период проблема тагальского языка решалась более последовательно, нежели в период автономии.

Интересный ретроспективный анализ представлен в последней, четвертой главе — «Третья республика: взлет и падение основанного на тагальском филиппинского языка» (с. 97—147). Тагальский язык, — пишет Эндрю Б. Гонсалес, — как «эксплицитно утвержденный национальный язык по Конституции 1943 г.» получил дальнейшую поддержку с провозглашением суверенной Республики Филиппины 4 июля 1946 г. Институт национального языка (ИНЯ) издает в переводе на филиппинский (тагальский) официальные документы, создает методические пособия, терминологические глоссарии и пр. (в книге подробно описана деятельность ИНЯ в различные периоды — см.: с. 65, 71, 103—122 и др.). Однако постепенно на общественном и законодательном уровнях — в прессе, в Конгрессе нарастает противодействие тагальскому как «основе филиппинского национального языка», преимущественно со стороны нетагалов и нелингвистов, вылившееся в «языковые войны» 60-х гг. в средствах массовой информации (Х. Лакуэста и др.)², в Конгрессе и даже в Верховном суде. Языковый вопрос был одной из причин студенческих выступлений в Маниле в 1969—1972 гг. (автор обращает внимание на то, что во второй половине 60-х годов 66% населения страны было моложе 24 лет). Ставится под сомнение правовое положение филиппинского языка, ИНЯ обвиняют в пуризм и «языковой диктатуре». Между тем приводимые в книге факты свидетельствуют о том, что вслед за ростом «экономического национализма» нарастает и «культурный национализм». Филиппинский язык широко изучается в начальной школе нетагалоязычных провинций, в ряде вузов, растет число и тираж изданий на этом языке, он все глубже внедряется в общественную жизнь страны. Перепись 1970 г. показала, что на этом языке может говорить уже свыше 56% филиппинцев (в 1918 г. их было около 20%, т. е. практически одни тагалы — с. 54)³. Новая Конституция 1973 г., как полагает Эндрю Б. Гонсалес, наметила компромиссное и не вполне реалистическое дальнейшее решение языкового вопроса в Республике Филиппины: создать общенациональный филиппинский язык (Filipino), основанный не на одном, а на всех существующих филиппинских языках. Таким образом, вся работа, проделанная в 1937—1973 гг., должна проводиться заново (с. 97, 146—147), хотя Комитет по науке, созданный в 1964 г., продолжает систематизацию филиппинской научно-технической терминологии (с. 117—122). Первая конституция была написана по-испански, конституция 1935 г. — по-испански и по-английски, конституция Республики Филиппины 1973 г. — по-английски и переведена на филиппинский (тагальский), ряд других филиппинских языков, а также на испанский и арабский языки (с. 137). «Филиппинцы снова начали поиск общенационального языка, — заключает последнюю главу своей книги Эндрю Б. Гонсалес, — поиск лингвистического символа единства и солидарности, но альтернатива, предложенная им их руководите-

¹ См. подробнее: Макаренко В. А. Языковая политика японских оккупационных властей на Филиппинах в 1942—1945 гг. — Японская филология/МГУ, 1981, № 6.

² См. рец.: Лакуэста Х. «Филипино» против «пилипино». — Народы Азии и Африки, 1971, № 6, с. 191—193.

³ Для сравнения укажем, что по переписи 1970 г., в СССР на русском языке говорило 53% населения; 7% нерусского населения говорило на нем как на родном.

лями, скорее разделила их, нежели объединила» (с. 147). Название «Filipino», как говорит автор, «имеет смысл, но у него нет четкой характеристики».

В эпилоге, озаглавленном «К будущей четвертой республике и будущему филиппинскому языку» (с. 148—157)⁴, анализируя филиппинский опыт формирования национального сознания, единства и национального языка, автор приходит к оптимистическому выводу о неизбежности создания общенационального языка, основанного на одном (тагальском) филиппинском языке (заметим, кстати, что сам он по национальности пампанго). По его прогнозу, построенному при помощи экстраполяции переписных данных, к концу столетия этим языком будут владеть как родным и как вторым уже 97,1% филиппинцев. Он делается реальным символом национального единства независимо от его официального юридического признания или непризнания — де-факто. Эндрю Б. Гонсалес не согласен с тем, что языковое планирование ориентируется на некий искусственный язык в угоду политическим устремлениям руководящих представителей полиэтнического общества, а не на объективные научные изыскания в области языкового развития. Английский язык, по мнению автора, по-прежнему будет играть значительную социально-экономическую и культурную роль в стране; филиппинцы по-прежнему останутся многоязычными.

Критически оценивая в основных ретроспективных главах своей книги официальную языковую политику на Филиппинах на различных ее этапах, автор подводит читателя к бесспорному выводу, что она преимущественно базировалась на политических и престижных, а не на собственно научных, социолингвистических основах и потому, скорее, препятствовала, нежели способствовала более эффективному развитию общенационального филиппинского языка, роль которого, невзирая на это, все более и более успешно исполняет современный тагальский язык.

Аккумулированные в рецензируемой монографии социолингвистические взгляды Эндрю Б. Гонсалеса, высказывавшиеся и прежде в его многочисленных исследованиях языковой политики на Филиппинах, отличаются исключительной стройностью и последовательностью, а выводы глубоко научны и реалистичны. Они во многом перекликаются со взглядами советских социолингвистов периода языкового строительства 20—30-х гг. В них ощущается порой влияние ленинских идей (к работам В. И. Ленина по национально-языковому вопросу он прибегал в своих статьях неоднократно!). Достаточно привести здесь только одну цитату из «Критических заметок по национальному вопросу»: «...цивилизованные граждане демократического государства сами предпочитают язык, понятный для большинства... потребности экономического оборота сами *определят* тот язык данной страны, знать который большинству *выгодно* в интересах торговых сношений»⁵.

В кратком предисловии, написанном в июне 1978 г., ныне покойный «патриарх филиппинского языкознания» почетный профессор Университета Филиппин Сесилио Лопес (1898—1979 гг.) называет обобщающий труд Эндрю Б. Гонсалеса «наиболее исчерпывающим и современным» среди работ по языковой проблеме на Филиппинах. С ним, по моему, нельзя не согласиться.

В. А. Макаренко

⁴ Этим названием автор предвосхитил действительное провозглашение 4-й Филиппинской республики летом 1981 г., через год после выхода его книги.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 115.